

ГЕННАДИЙ
ДЕМАРЁВ

ОТВЕРЖЕННЫЙ ДУХАМИ

Геннадий Демарев

Отверженный духами

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Демарев Г.

Отверженный духами / Г. Демарев — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Чем более человечество совершенствует так называемые блага цивилизации, тем больше отдаляется от природы и, соответственно, тем глубже погрязает в глупости и бездуховности. Окружая себя техническими чудесами, люди становятся жестокими и эгоистичными, и им нет никакого дела к себе подобным. В то же время немало людей чувствуют себя одинокими и никому не нужными. Данное повествование посвящено именно проблеме «ненужного человека». Герой повести, якут по происхождению, оторванный от родных мест в раннем детстве, спустя многие годы возвращается к своему роду. Полагая, что, в силу общепринятых во всём «цивилизованном» обществе правил гуманности, сородичи обрадуются ему, он совершает, на первый взгляд, благой поступок. Как же он был поражён, узрев реакцию, прямо противоположную ожидаемой! Автор описывает природу Якутии, а также обычаи удивительного народа, её населяющего, посвящает множество строк проблемам экологическим, социальным и психологическим. Стиль напоминает лучшие творения Джека Лондона.

© Демарев Г.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	6
2	9
3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Геннадий Демарёв

Отверженный духами

Что бывает красивей якутской весны? —
Лишь мамины сказки иль, может быть, сны;
Просыпаются реки, болота в цветах, —
Не выразить прелести этой в словах.

Вот плескаются рыбы и птицы летят, —
Летом рыскают звери, родив малышат;
Здесь раздолье свободы, и ягод, грибов, —
Далеко ведь до снежных и лютых оков.

Разноцветная осень холмы озарит,
Мирром красным и жёлтым леса окропит;
Вилюй катит воды печально, в тиши, —
Затерялся старик на приволье, в глуши.

Но хозяйкою станет царица-зима,
Девять месяцев стуж, но полны закрома;
Камелёк согревает и мне веселей —
И тоска в сердце тает, кумыс лишь налей!

Ты гори, камелёк, теплом озаряй,
И из сердца быстрее тоску прогоняй;
Огонёк твой желанней сокровищ земных,
Украшением служишь просторов родных.

1

Это было нечто не поддающееся осознанию, принятию, осмыслению. Всё случилось, словно в чудовищном кошмарном сне или в фильме ужасов, порождённом чьим-то болезненным воображением. Происходящее напоминало сцену из жизни волков, которые со всех сторон обступили жертву и, подбираясь всё ближе и ближе, угрожающе оскаливают острые клыки. Круг постепенно смыкался, волки вот-вот подберутся совсем близко и совершат прыжок...

Самое страшное состояло в том, что на самом деле это были не волки, а люди – соплеменники, родственники, старейшины, – а жертв в центре круга находилось две – мужчина и женщина. Рядом с ними находился человек, разукрашенный весьма вычурно и кричаще. От него исходило невыразимое, потрясающее зловоние. Его голова скрывалась в медвежьей морде, надетой на тощее, согбенное под тяжестью лет, тело вместе со всей шкурой – это был шаман. Из всех сил он иступлённо колотил в большой, такой же грязный, как он сам, бубен, и заунывным голосом выкрикивал бессвязные звуки, которые должны были призвать духов. В глухих звуках бубна таилось нечто мистическое и властное. Толпа, пребывая в необъяснимом трансе, чувствуя таинственный ритм, напоминала гигантскую струну, напряжённую до предела, готовую лопнуть в любой момент. Периодически все присутствующие повторяли один из звуков, порождаемых глоткой шамана. С каждой минутой бой бубна учащался, пока, наконец, звуки не превратились в сплошную протяжную ноту, которая отдавалась в ушах, проникая, казалось, в самую душу. В этот момент всё внезапно затихло – и глотки присутствующих, и сам бубен. Взмахнув руками в последний раз, шаман упал наземь; медвежья шкура сползла с его головы, благодаря чему Иван, – молодой человек крепкого сложения с умными чёрными глазами, взиравшими на сию сцену не без искр скептицизма и иронии, – Иван, находящийся в центре круга, невольно отвернулся, увидев подлинный образ проводника между миром людей и миром духов. Это был старый человек с отвратительным, почти лысым и морщинистым, как тело жабы, черепом. Его лицо успело почернеть от количества прожитых лет и болезней, а руки окривели от ревматизма. В этот момент он представлял собою отталкивающее зрелище: его жалкая, немощная, искажённая судорогой плоть как будто напрашивалась в мир иной, а на чёрных от старости тонких губах замерла чудовищная гримаса, придававшая лежащему сходство с чёртом из христианских верований. Пена, выкатываясь из уродливого беззубого рта, сползала по щекам и падала на землю, словно ядовитая слюна, выделяемая мифической гидрой, а вытаращенные глаза, вперившись в небеса, лишь дополняли это сравнение. Но сие зрелище продолжалось недолго. Спустя минуту старик подал признаки жизни: подёргав рукой, ногами, он уселся на земле, огляделся по сторонам, после чего поднялся. Кто-то из присутствующих с благоговением подал ему бубен. Ещё раз обведя строгим, испытывающим взглядом присутствующих, он, наконец, заговорил.

– Дети мои! Сегодня двое из вас нарушили древние законы. Я спросил у духов, как нам должно поступить, ибо моего скудного разума оказалось недостаточно. Собственно, нарушителем оказался один – этот молодой мужчина, которого вы видите перед собой.

С этими словами он указал грязной рукой на Ивана.

– А женщина оказалась лишь невольной нарушительницей, – продолжал старик. – Да собственно, она ничего не нарушала, потому что, находясь без памяти, только подчинялась этому человеку. Тем не менее, она виновна в преступлении, которое наши законы считают одним из самых тяжёлых.

– Смерть обоим! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Нет, братья мои! – ожесточённо замахал руками шаман. – У нас, народа саха, никогда не выносились смертные приговоры, мы не настолько жестоки, как, например, русские или наши соседи тунгусы. Мне только что подсказал великий дух Вилюя, каким должен быть приговор, и

я выскажу в нужный момент его волю. Но давайте разберёмся, что именно произошло, чтобы каждый из вас мог сделать выводы и избегал повторения ошибок этих людей.

Итак, в гости к своим родителям приехал человек, заявивший, что он – одной с нами крови. Пусть так! В этой жизни бывает всякое. Иногда человек, затерявшись в тайге или увезённый врагами в неведомые дали, вынужден всю жизнь блуждать неведомо где, прежде чем ему удастся достичь родных мест. Но, придя в селение, он обращается к людям на родном языке, помнит имена матери и отца, помнит и чтит богов и духов. Этот человек обратился к нам на чужом языке, не знал ни своего имени, ни имён родителей, не почитал обычаи... Он даже не привёз с собой подарков, которые обязан был, согласно с нашими традициями, раздать каждому из родственников! Разве после этого его можно считать человеком одной крови с нами, саха?

– Нет! – вскричали присутствующие, потрясая руками.

– Далее. Во время праздничного пиршества он не совершил жертвоприношение огню, а когда мать предложила ему самый лакомый кусок, он отказался. Разве это не доказывает, что он – наш враг?

– Враг, враг! – раздался озлоблённый массовый крик, и многоголосое это не замедлило его повторить.

– А вчера он совершил вовсе неслыханный поступок, – надрывным голосом, как опытный оратор, продолжал старик. – Он отнял у нашего покровителя и благодетеля жертву! Это неслыханно!

Толпа взревела:

– Побить его палками!

– Бросить обоих в реку!

Но шаман, подняв правую руку со скрюченными пальцами, заставил всех умолкнуть. Повернувшись к Ивану, он заговорил на ломанном русском:

– Зачем ты сюда пришёл, юноша? Ты не должен был здесь появляться.

– Я пришёл к своему дому... – ответил Иван.

– Здесь нет твоего дома! – прервал его старик. – Нет! Ты слишком долго прожил с русскими, впитал их культуру, их обычаи, их имя. От якута в тебе ничего не осталось. Ты – русский. Ты – чужак!

Произнеся эти слова, он снова обратился к сородичам:

– Братья! Много лет тому назад наш род был могущественным. Многие тысячи оленей, принадлежащих нашим отцам, паслись на бескрайних просторах наших редколесий. Много тысяч детей рождались от наших мужчин, много тысяч женщин вынашивали здоровых, красивых детей. Но потом пришли русские геологи и рабочие, охотники и заготовители шкур. Они выбирали себе в жёны самых красивых наших девушек, оставляя взамен в качестве свадебных подарков и калыма железные безделушки. Многих здоровых, самых сильных мужчин они забирали на работы, остальных же принуждали платить ясак, так что мы были вынуждены работать намного больше, чем до того. Белые люди принесли с собой неведомые болезни, от которых наши соплеменники умирали столь часто, что их некогда и некому было хоронить. Белые люди оскверняют наши земли, нарушают почвы, преграждают реки. Из-за этого стало меньше ягеля, а без ягеля нет оленей. Деревья растут кривые, плодов на них стало меньше. Весной рыба уходит в Большую реку и осенью не возвращается, потому что её забирают себе русские. Птицы осенью улетают на юг, но весной не возвращаются – их тоже съедают русские. Взамен они присылают в большие города железных птиц. Но их невозможно есть!.. Из-за белых людей наша тайга стала намного беднее, потому что мы познали голод. И вот пришёл человек от русских, который сейчас снова нарушил наши традиции. Мы не можем его убить. Нет, мы не станем причинять ему зло. Но пусть он уйдёт, а духи поступят с ним так, как сочтут нужным!

– Пусть уйдёт! – вторили собравшиеся.

– Слушайте же меня! – заключил шаман, ударяя в священный бубен. – Слушай и ты, чужак! Ты достоин самого страшного наказания, ибо из-за тебя на нас могут разгневаться духи. Уходи прочь, а если вздумаешь вернуться, духи погубят тебя. Да отвернутся от тебя уру-аймах, да изгонят тебя из рода! И пусть об этом моём проклятии станет известно птицам небесным, рыбам речным и зверям таёжным. Пусть они разнесут об этом весть по всему миру, и горе тому, кто попытается оказать тебе помощь!

С этими словами он как-то по-особенному ударил в свой бубен и взмахнул рукой, веля толпе расступиться. Ивану следовало покинуть селение немедленно и безоговорочно, в чём был, без права взять с собой какое-либо орудие или оружие. Без оружия и питания человек, не настолько приспособленный к первобытным условиям, как якуты, в тайге обречён. Но ситуация была слишком накалённой для того, чтобы выпрашивать себе что-либо. А расступившаяся толпа угрожающе размахивала руками, повелительно выкрикивала плохие слова, торопя чужака. Из всей речи шамана Иван не понял почти ничего, в том числе и проклятия. Между тем, это проклятие считалось настолько страшным, что даже шаманы старались не произносить его вслух.

– Теперь ты – как бродячее животное, – зловеще произнёс шаман. – И великий дух Сунг Дьяхын будет преследовать тебя до тех пор, пока не уничтожит.

Не говоря ни слова и даже не оглянувшись на родных, Иван сделал первый шаг по пути в никуда...

2

С каждым днём ветер крепчал, предупреждая о скором наступлении зимы – длительной и морозной. Зябкие ночи стали длинными, а не менее холодные дни – смехотворно короткими. Знал о приближении зимы и великий дух Вилюя – реки могучей и напористой, пробивающей себе путь среди скал, равнин и озёр. Его течение становилось всё менее гостеприимным и всё более слабым, словно дух скучал, подавляя зевоту. Совсем скоро его воды скуёт мороз, и они замрут в продолжительном сне на долгие девять месяцев. Но до этого момента оставалось ещё некоторое время; пользуясь этим, то живое, которое не успело подготовиться к нему, спешило спрятаться как можно надёжнее. Спешил и одинокий путник, неведомо каким образом оказавшийся в этих негостеприимных краях. Если судить по его внешнему виду, можно было сделать заключение о том, что находился он в пути и одиночестве довольно долго. Высокого роста, некогда крепкого сложения, но теперь совершенно осунувшийся и согбенный тяготами и лишениями, он напоминал не представителя цивилизованного мира людей, а, скорее, тень. Кожа на его лице почернела от недоедания и долгого пребывания на ветру и солнце, тощие, ослабевшие от недоедания руки, украшенные многочисленными ссадинами и вздутыми венами, беспомощно свисали почти до колен, как плети; впрочем, путник предпочитал прятать их в карманы изодранной куртки. Он продвигался вперёд медленно, не поднимая ноги, а, скорее, влача, из чего можно заключить о хроническом недоедании и усталости, а также и о том, что определённой цели путешествия он не имел. Он шёл, казалось, лишь затем, чтобы не упасть, ибо вряд ли нашёл бы в себе силы подняться вновь. Его унылый вид, как у старого, больного волка, который ищет место для того, чтобы можно было, наконец, умереть, лишь дополнял унылость окружающей среды – на фоне пасмурного, затянутого плотной завесой серых облаков неба растянулось безбрежное мрачное море совершенно лишённых растительности холмов. Впрочем, их поверхность была покрыта массой сухих стволов омертвевших, некогда поваленных бурями, деревьев. Путнику то и дело приходилось перешагивать их, с трудом поднимая ноги; после каждого такого упражнения ему приходилось подолгу восстанавливать дыхание и силы.

Ко всему, в голове постоянно слышатся приглушенные удары бубна: «Бум! Бум! Бум!»

С трудом переводя дыхание, человек жадно вдыхал холодный воздух. Не вполне отдавая себе отчёт в поступках и, ёжась от холода, он осмотрелся по сторонам, и это было легко, учитывая, что он находился почти на вершине холма, покрытого поваленными елями. В иное время он мог бы найти своеобразную красоту в этом почти фантастическом пейзаже, но сейчас он производил на него угнетающее впечатление.

«Только бы дойти до леса! – лихорадочно, как загнанная в угол куропатка, трепыхалась в сознании единственная мысль. – Только бы дойти!..»

Уже в течение многих дней Ивану приходится безнадёжно блуждать и созерцать такие унылые пейзажи. Вокруг, куда ни взгляни, не найти ни живого дерева, ни скалы. Среди скал или деревьев можно было бы отыскать какую-нибудь щель, забиться в неё, как комар, и хотя бы на время спрятаться от холодного северного ветра, насквозь пронизывающего всё существо. Ах, если бы удалось найти хотя бы уголок, закоулок! Он бы, преодолевая смертельную усталость, собирал сухих еловых веток, которых здесь хоть пруд пруди, и развёл костёр. При мысли о костре Иван почувствовал, как по телу, словно разряд электрического тока, пробежала волна тепла. В его нынешнем состоянии костёр означал возможность не просто согреться, расслабиться, поспать, но и выжить. Ведь уже в течение многих-многих дней его несчастная, многострадальная плоть не знала ни тепла, ни надежды. В какую бы сторону он ни направлялся, повсюду его окружали сотни, тысячи, миллионы деревьев, безжалостно поваленных бурями и страшными, не ведающими пощады, трескучими морозами. Казалось бы, ничто не мешало

делать привалы и разжигать костры, стоило лишь собрать охапку сухих веток, которые словно напрашиваются в огонь. Но при ветре, дующем со скоростью не менее семи метров в секунду, спичка могла погаснуть, а каждую из оставшихся четырёх спичек следовало беречь, как зеницу ока. Две из них выглядели как вполне нормальные, качественные спички, но для двух других у производителей как будто не хватило серы – головки были маленькими, словно на их долю достались лишь жалкие остатки из большого заводского котла. Ну да, спичка могла и вправду погаснуть, и не только из-за ветра, но ещё из-за того, что её владелец – дитя цивилизации, не умеющее договариваться с духами стихий. А огонь – это стихия самая главная и самая могущественная во всей Вселенной.

Так уж получилось у Ивана, что он, якут по крови, родившийся среди стихий, обычаев и духов, оказался для них совершенно чужим. Когда спустя три десятка лет, истёкших со времени его рождения, мать обратилась к нему по имени, данному когда-то давно, Иван даже не понял, что означает это слово; что уж остаётся говорить о знании обычаев и верований...

3

В семье якутов рождение мальчика – всегда событие большого значения. Произошло оно в семье довольно преуспевающего оленевода Нагымкара и его супруги в верхнем течении Вилюя, в двухстах километрах к западу от городка Удачный. Цивилизация – субстанция весьма хрупкая и ограниченная в условиях Якутии. Здесь, к примеру, бурлит жизнь с её техническими всплесками, добываются алмазы и урановая руда – в угоду потребителям из числа белых людей, – а всего в двухстах километрах от этих мест простираются совершенно дикие просторы, и далеко не факт, что там когда-либо могла ступить нога белого человека. Волею судьбы случилось так, что как раз в том году Нагымкар и его сородичи установили там юрты.

К слову сказать, у оленеводов нет постоянного места жительства. При их способе жизни такая роскошь исключена, да и религия строго запрещает. Запрещено даже селиться на месте старой стоянки. Это связано не только с суевериями, но и с соображениями чисто гигиеническими. Дело в том, что почвы Якутии уникальны по своей структуре. Талые воды в тех краях не поглощаются матушкой-землёй, а скапливаются на поверхности и застаиваются, служа питательной средой для микробов и насекомых – их добросовестных распространителей. Вечная мерзлота не уступает солнечному теплу, почва не прогревается настолько, чтобы таять на глубину, достаточную для того, чтобы вода начинала впитываться. Потому с момента начала таяния снегов местность превращается в скопление больших луж, которые, сливаясь по мере накопления в них влаги, разрастаются в огромные озёра. И хорошо, если эти озёра в один прекрасный момент находят сток. В этом случае вода, подчиняясь древнему, как мир, закону, следует вниз, к рекам, пополняя их течение. В ином случае она так и продолжает стоять на месте и, не находя стока, превращается в непроходимое болото и подвергается действию бактерий, большая часть из которых болезнетворные. Если в таких условиях выбрасывать остатки пищи, они начинают портиться и служат дополнительным источником заражения людей. Ещё страшнее, когда в одном месте, на одном пригорке поселятся несколько семей – тогда заражаются все. Конечно, можно призывать на помощь священный бубен, с помощью которого иногда получается прогонять злых духов, в числе которых состоят и всевозможные хвори, но лучше положение до такого не доводить.

Вот почему юрта Нагымкара ютилась на пригорке в полном одиночестве. В силу того, что жизнь заключалась в постоянных переходах, Нагымкар, как и большая часть оленеводов, имел четыре жилища, разбросанных по великому Якутскому краю. И это ещё немного, учитывая, что некоторые соплеменники имеют пять, а то и шесть жилищ. Семейство отдыхало после продолжительного перехода, олени и единственная корова мирно паслись среди зарослей ягеля и кустарников, на ветвях которых как раз появлялась молодая листва. Алыэйя – женщина небольшого роста, юркая и весёлая, которая приходилась роженице двоюродной сестрой, уложила младенца рядом с матерью. Как звали мать, Иван не помнил, как не помнил, наверное, и сам Нагымкар. У якутов вообще не принято называть женщин по имени. Якуты хорошо помнят, как звали первого человека, своеобразного Адама, – Элэй. А вот первую женщину они называют просто Ологойе – женщина. Уже из этого становится понятным, какую роль исполняет женщина в жизни якута. Насколько помнил Иван свои детские годы, отец никогда при нём не называл мать по имени.

Его приобщили к материнской груди – предмету священному и главнейшему в жизни ребёнка. настолько главнейшему, что многие матери кормят детей грудью до шестилетнего возраста даже в наше «цивилизованное» время. Вместе с молоком матери сущность мальчика должна была пополняться знаниями об окружающей среде, обычаях, верованиях, как это заведено у всех народов. Ивану улыбалась перспектива, начиная с грудного возраста, начать постигать великую книгу природы, как и остальным мальчишкам, которым предстояло спустя какое-

то время превратиться в мужчин-охотников и оленеводов, как это в своё время происходило с их отцами и дедами. Нет сомнения в том, что так бы оно и произошло, если бы не один случай.

Как известно, в судьбах человека и Вселенной случайностей не бывает, ибо всё на свете подчинено главному закону, согласно которому каждое явление порождается некими причинами и влечёт за собой какое-то следствие. Однажды нечто важное и непонятное послужило причиной внезапной остановки стада всего в нескольких километрах от какого-то большого города. На тот момент Ивану едва исполнилось шесть лет. До тех пор мальчику никогда не приходилось видеть ни городов, ни машин, ни ярких фонарей, ни больших бородатых белых людей, которых отец, человек флегматичный и рассудительный, называл «урусами». В тот вечер, поручив стадо брату, отец погрузил Ивана в сани вместе с матерью и угрожающе взмахнул над головами оленей кнутом. Те помчались со столь ошеломляющей скоростью, что ребёнку приходилось даже прищуривать глаза во избежание попадания в них колючих, искрящихся при свете луны, снежинок. Прижимаясь к телу матери, издававшего неистовые стоны, Иван понимал, что она страдает. Дитя природы, коим он являлся в то время, Иван знал, что в распухшем животе матери находятся братик или сестрёнка. Обыкновенно якутские женщины в подобных ситуациях обходятся без помощи медицины; в лучшем случае им помогают соседки или родственницы, а когда роды происходят с некоторыми осложнениями, в употребление идёт бубен, посредством которого призываются на помощь добрые духи, покровители родов и жизни. Но на сей раз что-то шло не так; отец, опасаясь плохого исхода, после долгих размышлений, посоветовавшись с братом, решил отвезти роженицу в больницу.

Мы не берёмся утверждать, что этим человеком двигало то самое великое чувство, которое вращает мирами и воспевается на все лады поэтами и музыкантами. В период сватовства Нагымкар отдал отцу невесты, впоследствии ставшей матерью Ивана, десять оленей, лодку, два десятка соболиных шкур и большую коробку табака; взамен его родня получила подарков, уступающих по стоимости его подарки ровно наполовину... Вот почему он дорожил своей женой...

Спустя два часа путешествия нартъ въехали в город. Стремясь избежать реакции полудиких животных на свет фонарей и сигналы автомобилей, Нагымкар решил не оставлять им времени на раздумия, потому гнал их с максимальной скоростью. Но если у отца, матери и оленей не оставалось времени на осмысление реальности, этого нельзя было сказать о мальчишке. Его голова, вооружённая двумя всевидящими глазами, двумя всеслышающими ушами и неуёмной фантазией, то и дело вертелась во все стороны, стремясь выхватывать из окружающего всё, что представлялось любопытным. А поскольку в тот памятный вечер любопытным казалось всё, начиная от фонарей и кончая милицейской мигалкой, преследующей сани позади, можно лишь гадать о том, каким образом ему удалось сохранить в целостности и сохранности рассудок, раздираемый впечатлениями.

Пока мать, окружённая людьми в белых халатах, рожала, в больничном коридоре блюстители порядка о чём-то расспрашивали отца, то и дело чертя какие-то непонятные для Ивана знаки на белом листе. В те времена мальчик понятия не имел, что такое милицейский протокол...

Утром пришли какие-то люди, один из которых, судя по внешности, русский, заговорил с отцом на его родном языке. То и дело указывая на мальчонку, он убеждал Нагымкара в необходимости отдать его в школу.

– Пока ты гоняешь по просторам тайги оленей, – говорил он, – твой сын растёт.

– Олени – это вся наша жизнь, – возразил Нагымкар. – Мой отец пас оленей, мой дед пас оленей...

– Но сейчас другое время, – прервал его русский. – осмотрись вокруг себя: разве во времена твоих отца и деда было столько городов, машин, железных птиц?

Они долго спорили, прежде чем отец на что-то решился. Наконец, наклонившись над сыном, он прошептал ему в ухо несколько напутственных слов. После этого незнакомец протянул ему руку и увёл в новую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.